

Дуань Минчэнь отвёл взгляд, в душе кое-кого корил: почему всякий раз при встрече с Гу Хуайцином он теряет над собой контроль, так легко поддается гневу и даже соглашается на столь нелепое пари? Хотя он был уверен в своей победе, но если бы об этом абсурдном споре узнали посторонние, они бы покатались со смеху. Когда дело будет закрыто, нужно держаться от него подальше, но... пока что он ещё полезен.

Взглянув на Гу Хуайцина, Дуань Минчэнь сказал:

— Прошу вас, господин Гу, навестить мисс Шэнь.

Гу Хуайцин с подозрением спросил:

— Почему именно я?

Дуань Минчэнь с усмешкой уставился на него:

— Мисс Шэнь — незамужняя девица, Гвардии в парчовых халатах неудобно её допрашивать. Справиться с этим сможете только вы, господин Гу.

Гу Хуайцин всё понял и тихо хмыкнул. Он был евнухом, а значит, не считался мужчиной в полном смысле, и мог беспрепятственно входить в женские покои, не пороча девичьей чести.

Вот же умеет этот тип использовать людей в своих целях! Однако участие в расследовании было именно тем, чего Гу Хуайцин и добивался.

— Я согласен, — сказал он. — Но вы должны сообщить мне, какие улики уже удалось добыть.

Дуань Минчэнь кивнул. Раз уж он решил временно отбросить предубеждения и сотрудничать с Гу Хуайцином, то скрывать что-либо не стал и подробно изложил результаты дневного допроса.

— Пока что это вся информация. Ваша главная задача — выяснить, где находились мисс Шэнь и её служанка с восьми до одиннадцати вечера и что они делали.

— А также узнать, откуда взялась та бутылка вина, верно?

— Верно! — Дуань Минчэнь отметил про себя, что Гу Хуайцин схватывает на лету и умеет делать выводы — действительно, умён.

Гу Хуайцин кивнул и направился в покои мисс Шэнь.

Дуань Минчэнь проводил его взглядом и вернулся к своим вопросам.

*****

Мисс Шэнь Ичань жила в западном флигеле. Когда Гу Хуайцин вошёл во двор, стоял вечер, и только что прошёл мелкий дождь. Зелёный мох, увлажнённый весенней влагой, напоминал под ногами мягкий бархатный ковёр.

Дворик мисс Шэнь был изящным и уютным. В небольшом пруду резвились пёстрые карпы, под навесом из плюща качались качели, а у стены несколько веток красной сливы уже раскрывали бутоны.

Гу Хуайцин остановился у двери, объяснил цель визита, и служанка тут же скрылась внутри, чтобы доложить.

В комнате послышался шорох, зажглись тусклые светильники, и женщина на кровати медленно поднялась, чтобы с помощью служанки умыться и переодеться.

Много лет спустя Гу Хуайцин всё ещё помнил эту картину.

Вечер после дождя, лёгкий ветерок, в воздухе витал тонкий аромат. Прозрачная занавесь из хрустальных бусин, словно слёзы человека-цзяо, дрожала, паря в полумраке.

При тусклом свете качающиеся хрустальные бусины отбрасывали тень изящной женской фигуры. Та лениво расчёсывала длинные чёрные волосы слоновой костовой гребёнкой. Лёгкий запах благовоний из внутренних покоев просачивался сквозь бусины, растворяясь в прохладном воздухе.

— Господин, моя госпожа приглашает вас войти.

Круглолицая служанка повторила приглашение дважды, прежде чем Гу Хуайцин очнулся от задумчивости.

Скрывая смущение, он слегка кашлянул и спросил:

— Как тебя зовут?

— Отвечаю господину: меня зовут Ся Хэ, я прислужница госпожи, — голос служанки был звонким, а улыбка с ямочками на щеках делала её лицо открытым и приятным.

— Это ты приглядывала за мисс Шэнь прошлой ночью?

— Да, господин. Не только прошлой ночью — обычно я всегда сопровождаю госпожу.

Гу Хуайцин кивнул. Видимо, эта Ся Хэ была доверенной служанкой мисс Шэнь, и её тоже следовало допросить.

Хрустальные бусины медленно подняли, и прозрачные шарики, сталкиваясь, зазвенели чистым, мелодичным звуком.

Гу Хуайцин впервые ступал в покои незамужней девицы, и его охватило любопытство. Быстро скользнув взглядом по комнате, он сразу запомнил всё убранство.

На столе из жёлтого грушевого дерева аккуратно лежали письменные принадлежности. На углу у окна стояла сине-белая фарфоровая ваза, в которой покоилось несколько веток красной сливы.

Книжные полки мисс Шэнь занимали целую стену, а её собрание поражало разнообразием: от классических трактатов и медицинских книг до трудов по астрономии, географии и народных повестей. Одна лишь эта библиотека подтверждала, что слава мисс Шэнь как учёной девицы была вполне заслуженной.

На комодe рядом со столом стояли позолоченные западные часы: на основании восседали два забавных льва, самец и самка, а на циферблате были выгравированы двенадцать римских цифр.

Спальню отгораживала восьмистворчатая ширма из красного сандалового дерева. Вместо привычных пейзажей или цветов на ней были изображены бескрайние жёлтые пески да пустыни и серебряный серп луны — мазки широкие, свободные, полные размаха.

Гу Хуайцин отвёл взгляд и, оставаясь за ширмой, произнёс:

— Мисс Шэнь, с почтением к вам — Гу Хуайцин из Восточной Ограды. Так как я — придворный евнух, для удобства беседы прошу убрать ширму.

Служанка Ся Хэ нахмурилась, явно смутившись:

— Господин, моя госпожа нездорова, возможно, это будет неудобно...

Из-за ширмы донёсся лёгкий кашель, а затем — женский голос, слабый, но приятный:

— Господин Гу трудится над делом моего отца, и я бесконечно благодарна. Раз вы так считаете нужным, я не стану перечить. Однако моё сердце разрывается от горя, да и тело ещё слабо, поэтому прошу простить мой неподобающий вид.

— Госпожа... Врач говорил, вам нельзя на сквозняке...

Ся Хэ попыталась возразить, но Шэнь Ичань твёрдо повторила:

— Ся Хэ, убери ширму.

Восьмистворчатая ширма из красного сандалового дерева медленно раздвинулась, и Шэнь Ичань, опираясь на руку Ся Хэ, вышла вперёд...

Увидев её лицо, Гу Хуайцин невольно затаил дыхание.

Он давно жил во дворце и повидал всяких красавиц, но ни одна не могла сравниться с женщиной перед ним. Её красота была невыразимой словами — разве что «несравненное сияние» хоть как-то передавало её облик.

Красота Шэнь Ичань заключалась не в чертах лица, а в её манере, в ауре, что её окружала.

Болезненная бледность, горечь утраты, белые одежды — всё это делало её хрупкой, как тростинка. Её тонкие брови слегка сдвинулись, на лице застыла печаль, а в уголках глаз поблёскивали следы слёз. Она была поистине трогательной, вызывающей безмерную жалость. Звание первой красавицы столицы было вполне заслуженным!

Шэнь Ичань легчайшим движением сделала поклон и нежным голосом произнесла:

— Приветствую господина Гу.

Глядя на такую красавицу, Гу Хуайцин невольно смягчил тон:

— Мисс Шэнь, не беспокойтесь, прошу, присаживайтесь.

Возможно, из-за убранной ширмы аромат благовоний из спальни стал сильнее, а может, платье Шэнь Ичань было пропитано духами, но Гу Хуайцина окутала густая волна запаха, от которой его начало клонить в сон.

Шэнь Ичань, будучи чуткой, заметила его дискомфорт и, велев Ся Хэ открыть окно, пояснила:

— В последнее время я плохо сплю, поэтому жгу благовония для успокоения.

Гу Хуайцин потер нос и сказал:

— Да, я слышал, вы искусны в составлении ароматов.

— Это лишь моё скромное увлечение, чтобы скоротать время. Стыдно, что вы обратили внимание.

— Вернёмся к делу. Я пришёл задать несколько вопросов вам и вашей служанке и надеюсь на искренние ответы.

— Спрашивайте, господин. Мы расскажем всё, что знаем.

— Пожалуйста, опишите ваши вчерашние перемещения: где вы были и что делали.

Шэнь Ичань на мгновение задумалась, затем медленно начала:

— Вчера я чувствовала себя неважно, голова была тяжёлой. За ужином я съела немного каши, приняла лекарство, прописанное врачом, и с наступлением темноты легла спать. Я проспала не знаю сколько времени, но потом мне стало сухо во рту, я вся вспотела, и тело стало липким. Я разбудила Ся Хэ, она помогла мне сесть, дала воды и принесла горячей воды, чтобы я могла обтереться.

— После того сна голова перестала болеть, и я почувствовала себя лучше. Сонливость прошла, и я попросила Ся Хэ помочь мне выйти во двор, подышать воздухом. Мы провели там, наверное, больше часа, а ближе к полуночи мне снова захотелось спать, и я вернулась в постель. Но вскоре снаружи поднялся шум, и оказалось... что с отцом что-то случилось...

Шэнь Ичань запнулась, поднесла платок к лицу и зарыдала.

Женские слёзы — страшная сила, а слёзы несравненной красавицы и вовсе способны затмить весь свет.

Гу Хуайцин, при всём своём мастерстве, оказался бессилён. Он не ожидал, что единственный вопрос вызовет такой поток слёз, и на мгновение застыл, не зная, как утешить.

К счастью, Ся Хэ была смыслёной служанкой. Она тут же принялась похлопывать Шэнь Ичань по плечу, вытирая ей слёзы:

— Госпожа, не плачьте, вы только навредите здоровью. Ваш отец, глядя с небес, не хотел бы видеть вас в такой печали!

<http://bllate.org/book/16283/1466667>